

Марина Степнова Тудой

Марина Степнова | Тудой

85

Она говорила — тудой, сюдой.
Поставь платочек на голову, простудилшься.

Тут все так говорили.
Странное место.

После крошечного гарнизонного городка на Южном Урале все казалось диким — школа в самом центре, рядом с оперным театром, сам оперный театр. Розы на улице. Огромные, дохматые, как спрессованья. Абрикосы тоже на улице — и никто не рвет. Переспелые, шлепались прямо на тротуар — шерстяные оранжевые бомбы. С мякотью. Поначалу он не выдерживал, просто не выдерживал — набивал сперва полный рот, потом — полные карманы, неторопливые прохожие косились удивленно. Зачем рвать жердегу, мальчик, если на базаре за тридцать копеек можно купить отличную, просто отличную абрикосу? Лучше всех были ананасные — полупрозрачные, длинные, в зыбкую крупную родинку. Действительно пахли ананасами, хоть и абрикосы. За такие, правда, просили копейк шестьдесят. Ведро вишни — пять рублей. Кило помидоров — пять копеек. Роза, почти черная — тоже пять копеек. За штучку. Но это если маленькая, на невысоком тонком стебле.

Охапкой — в ведре.
Немыслимо!

Они бродили по базару, взявшись за руки, бездумные, счастливые, маленькие, как в раю. Пробовали все подряд, ткнули в рот мед, персики, груши, незнакомые слова. Она поучала, важничая. Переводила ему с райского на русский. Може — это был мягкий сыр, белый, на вид совсем как творог, но пресный. Кушать надо с помидорами и с солью. Тут все говорили — кушать. Мэй, поосторонись, ты что, не видишь — тут дети. Кушайте, кушайте, ребятки. Брызна — наоборот, соленая, твердая. Приставай, как котлет. Еще одно слово. Тут все строили из котлеты. Рафинадно-белый городок. А ему казалось — не из сахара, а из брызг. Коровья была вкусная, а вот овечья далеко и густо пахла рвотой. Бу-э-э. Гадость. Он так и не рискнул попробовать. Синими называли баклажаны, красными — помидоры. Даже не так — синенькие и красенькие. Тебе синеньких положить? Буро-серо-зеленая масса на тарелке. Печенье перцы. Укус. Сливовое повидло, сваренное в газу прямо во дворе. С дымком.

Она говорила — повидла.
Повидлу хочешь?

Белый хлеб, сливочное масло, горячее сливовое повидло, сверху — грецкие орехи.

Слопать ломоть — и айда, сайгачить по магале.

Еще одно слово.

Магала.

Россыпь карточных почти домишек, печное отопление, сваленный как попало человеческий сор, драпный рубероид, саманные стены — крупный, спелый замес глины, соломы и говна. Хижиньки дяди Тома. Тенистые дворики заросли бусуйком. Мелкий синий виноград, курчавый, бросовый, душистый, вино из него давили прямо ногами, перебивали, живое, барвовое, в пятилитровые бутылки. Затягали заболтво куккурузаной кочерьяжкой. Называется — чоклеж. Нет, не так, чоклеж — это была поляя куккурузаная солома, звонкие пустотелые былки. Странное оскорбление, между прочим. За чоклеж можно было и в доньядель получить. Не говоря